

Трансформация конфуцианских ценностей в условиях модернизации китайского общества

Ли Сяочжоу

Аспирант,

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевистская, 68;
e-mail: 453410849@qq.com

Аннотация

Статья посвящена анализу изменений, связанных с адаптацией конфуцианских ценностей к современным реалиям китайского экономического чуда. Цель исследования заключается в проведении анализа значения конфуцианских традиций в повседневной жизни китайцев. Предметом исследования является содержание конфуцианских ценностей в контексте происходящих модернизационных процессов в Китае. Методологическую основу составляют сравнительно-исторический анализ (в рамках интерпретации сущности конфуцианских ценностей в имперский, маоистский и современный периоды), а также синтез литературных источников (в процессе изучения классических конфуцианских трактатов, таких как «Лунь юй» и «Мэн-цзы», выступлений различных руководителей КНР и тематических научных публикаций). Временные рамки исследования носят лонгитюдный характер, что позволяет проанализировать трансформацию традиционных ценностей в динамике, начиная с конца 1970-х годов. Предлагаемые положения создают предпосылки для дальнейшего изучения роли конфуцианства как фактора, не препятствующего, а способствующего модернизации китайской экономики. Их значимость связана с возможностью применения выводов для прогнозирования социальных тенденций в Китае. Результаты исследования показывают, что конфуцианские принципы адаптировались к новым реалиям: принцип «сяо» (сыновней почтительности), связанный с проживанием многопоколенной семьи под одной крышей, уступает место новым практикам, основанным на поддержании связи с близкими через цифровые коммуникации. Культ учености, унаследованный от системы имперских экзаменов («кэцзюй»), нашел свое продолжение в категории «гаокако», создавшей экстремально конкурентную среду для социального отбора. Корпоративный коллективизм, уходящий корнями в принцип гармонии («хэ»), проявляется в управлеченческих моделях, поощряющих преданность общему делу и командный дух.

Для цитирования в научных исследованиях

Ли Сяочжоу. Трансформация конфуцианских ценностей в условиях модернизации китайского общества // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 12А. С. 67-75. DOI: 10.34670/AR.2025.57.98.007

Ключевые слова

Конфуцианские ценности, конфуцианство, традиционная культура, Китай, китайская цивилизация, модернизация, управление, социальные тенденции.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в начале XXI века Китай стал демонстрировать беспрецедентные темпы социально-экономической модернизации. Феномен «китайского чуда» невозможно полноценно осмыслить без анализа его культурно-цивилизационных оснований, центральное место среди которых занимает конфуцианство, неразрывно связанное с такими категориями, как гармония, справедливость и доброжелательность.

Однако все усложнилось с появлением концепции «дандай синь жуцзя», что переводится как «новое конфуцианство» в современном дискурсе. Это направление, оформившееся в середине XX столетия, было инициировано ведущими интеллектуалами, которые подчеркивали фундаментальную роль конфуцианства как движущей силы культурного прогресса Китая. Примером подобных действий стал тот факт, что практика бинтования женских ног была запрещена в конце XX века. Об актуальности подобных взглядов свидетельствуют опросы молодежи, которые показывают, что многие из них по-прежнему придерживаются принципов сыновьей почтительности, за которыми следуют: доверие, сплоченность в группе, настойчивость, искренность, как отмечено в научных трудах Пэн Цзюньхуа [Пэн Цзюньхуа, 2014, 17].

Проблематика трансформации ценностей конфуцианской культуры является предметом интенсивных научных дискуссий. Одни авторы видят в них силу, препятствующую возникновению капитализма: Пэн Цзюньхуа и др. Другие же исследователи предпочитают делать акцент на гуманистической природе подобных ценностных коннотаций китайского общества, например, Ю.В. Сорокина, Г.М. Барашков и др.

Несмотря на обширность существующих исследований, в научном сообществе сохраняется дефицит комплексных работ, которые системно рассматривают механизмы трансформации ключевых конфуцианских ценностей на микроуровне (в семье, образовании и бизнес-среде) в контексте ускоряющейся модернизации.

Целью исследования является анализ основных направлений и социальных последствий трансформации конфуцианских ценностей в ключевых сферах жизни современного китайского общества.

Поставленная цель обусловила необходимость решения поставленной задачи:

- проанализировать ключевые ценностные ориентации конфуцианства (иерархия, сыновняя почтительность, жэнь, ли, гармония, образование);
- выявить и охарактеризовать конкретные механизмы адаптации конфуцианских ценностей на примере таких сфер, как семья, образование и др.;
- оценить социальные последствия данной трансформации в Китае и в других странах Азии.

В рамках написания статьи были изучены различные литературные источники: классические конфуцианские трактаты («Лунь юй», «Мэн-цзы», «Сюэцзи»), выступления руководителей КНР (например, Си Цзиньпина, Ху Цзиньтао), а также тематические научные публикации. Также применялись такие способы научного познания, как сравнительно-исторический анализ (в процессе интерпретации конфуцианских ценностей в имперский, маоистский и современный периоды).

Сущность и основные принципы конфуцианства

Конфуцианство, основанное мыслителем Кун-цзы (Конфуцием) в VI-V веках до н.э., представляет собой не столько религию, сколько всеобъемлющую этико-философскую систему, нацеленную на создание гармоничного общества. Отправной точкой учения является идея о том, что изначально мир был совершенен, и задача человека – вернуться к этому порядку через следование традиции и морального самоусовершенствования [Насирова, 2022].

Одной из фундаментальных основ конфуцианского общества является иерархия. Конфуций считал, что устойчивый социальный порядок возможен только тогда, когда каждый четко понимает свое место в системе отношений. Эта идея нашла отражение в концепции «трех устоев», которые определяют отношения: правителя и подданного, отца и сына, мужа и жены; именно такого мнения придерживается Л.М. Ишкуватова [Ишкуватова, 2016, 110]. Логическим развитием этого принципа является учение об «исправлении имен». Это означает, что каждый человек должен в полной мере соответствовать сути и требованиям своей социальной роли [Пэн Цзюньхуа, 2014, 23]. Нарушение этого принципа ведет к смуте и хаосу в государстве. «Сяо», или сыновняя почтительность выходит далеко за рамки простого послушания, предполагая глубокое почтение, заботу и преданность родителям на протяжении всей их жизни, а также почитание их памяти после смерти [Ирхин, 2013, 120].

С момента своего возникновения конфуцианская философия также делала акцент на категории благожелательности (или «жэнь»), которая проявлялась в качестве человеколюбия. Как отмечает Ю.В. Сорокина, ее неотъемлемой составляющей является идея ценности человеческого бытия [Сорокина, 2023, 20]. Наиболее яркой иллюстрацией подобной мысли является эпизод, когда Конфуций, узнав о пожаре в конюшне, поинтересовался, не пострадали ли люди, а не лошади. В противовес этому, в западной философии основной акцент делается на реализации справедливости. Противопоставление представленных принципов обостряет полемику между коммунитаризмом и либерализмом через призму двойственной природы материального блага, в результате чего становится очевидной взаимодополняемость этих категорий [Ма Сюефэй, Романенко, 2024; Ма Сюефэй]. В отличие от либерализма, чья ориентация на благо нередко становится препятствием для полноценного развития индивида, конфуцианская традиция, предлагает путь к снятию данного противоречия.

В классической традиции выделяется ключевая фигура – чиновничья элита, куда входили выходцы из местных землевладельческих семей. Их авторитет основывался на учёных степенях, которые присваивались после успешного прохождения имперских экзаменов [Сунь Мэйцзы, 2025]. Взамен они могли пользоваться определёнными материальными благами в соответствии с их положением. В противовес, в западных странах власть передавалась по наследству. В XXI столетии влияние конфуцианства просматривается в строгом разделении светской и духовной жизни. В таких обстоятельствах правящие власти допускают существование официально признанных религий, но в строгих рамках, которые не позволяют им влиять на государственную политику. Ещё одной чертой, унаследованной от этого учения, является неприятие и публичное осуждение насилия в обществе, что укрепляет позицию государства как верховного гаранта общественного порядка [Фань Чушу, 2022].

Исходя из вышесказанного, конечной целью реализации конфуцианских принципов является достижение социальной гармонии. Это состояние всеобщего равновесия, когда каждый доволен своим положением, выполняет свои обязанности, а правительство заботится о благосостоянии народа. Гармония достигается не через принуждение и законы, а через моральное влияние [Ирхин, 2015].

Механизмы адаптации конфуцианских ценностей к современным реалиям китайского общества

Конфуцианство повлияло на различные сферы жизни. В семейной жизни механизмы их адаптации особенно наглядны, ибо они трансформируются под давлением социально-экономических изменений. Традиционный принцип сыновней почтительности «сяо» остается фундаментальным, однако его практическое воплощение меняется в условиях урбанизации, когда представители молодых поколений переезжают в крупные города на учебу и работу [Линь Юйтан, 2010, 120]. Физическое отделение от родителей приводит к трансформации форм заботы: традиционное совместное проживание уступает место финансовой поддержке, регулярным телефонным звонкам и видеосвязи, а также обязательным посещениям родителей во время общепризнанных праздников, таких как Китайский Новый год («Чунь Цзе») [У Лицюнь, 2014]. Строгая иерархия внутри семьи также претерпевает изменения. Под влиянием западных ценностей происходит переход к более партнерской модели отношений между супружами, а также к учету мнения младших членов семьи при принятии важных решений, таких как выбор образования или профессии. Тем не менее, ритуализированное проявление уважения к старшим, например, через совместные трапезы и праздники, остается мощным механизмом поддержания семейной гармонии «хэ» [Ли Цыхань, 2015, 98]. В контексте образования конфуцианский культ самосовершенствования нашел новые формы. Традиционная установка на механическое запоминание канонических текстов и абсолютный авторитет учителя постепенно дополняется задачами по развитию у учащихся критического мышления и креативности. Это достигается через интеграцию западных педагогических методик, таких как проектная деятельность, в традиционную систему, что позволяет сохранить дисциплину. Меритократический идеал, исторически воплощенный в системе имперских экзаменов «кэцзюй», трансформировался в гиперконкурентную среду, где основным механизмом социального лифта стали национальные экзамены «гаокao», а также престижные международные конкурсы.

В отрасли бизнеса конфуцианские принципы проявляются через уникальные социальные механизмы, которые становятся конкурентным преимуществом китайских компаний на мировой арене [Ли Бои, 2021]. Центральным механизмом является система неформальных связей «гуаньси», которая представляет собой адаптацию отношений взаимных обязательств к условиям современного рынка [Арташкина, Ван Ифэй, 2018, 130]. В бизнес-практике это выражается в приоритете построения долгосрочных, доверительных отношений с партнерами перед заключением формальных контрактов. Деловые переговоры часто начинаются с неформальных встреч, в ходе которых обсуждаются личные, а не деловые темы, что позволяет оценить надежность и «лицо» потенциального партнера. Другим ключевым механизмом является корпоративный коллективизм, уходящий корнями в принцип «хэ» («гармония») [Арташкина, Ван Ифэй, 2018, 1973]. Он проявляется в управленческих моделях крупных компаний, таких как «Huawei», где поощряется преданность сотрудников общему делу, командный дух и приоритет групповых интересов над личными. При этом данный коллективизм не отрицает иерархии; уважение к руководству, которое воспринимается как мудрые наставники («цзюньцзы»), является важным элементом корпоративной культуры [Грузинов, 2017]

Наконец, в политической сфере основным механизмом адаптации конфуцианства является использование концепта «социальной гармонии» («хэ») для легитимации существующего

социального порядка и управления. Государство активно пропагандирует идею о том, что стабильность, порядок и экономическое процветание являются высшими формами гармонии и общего блага, ради которых допустимо ограничение части индивидуальных свобод. Дискурс находит отклик в общественном сознании, исторически ориентированном на ценность стабильности после периодов смуты. Патерналистская модель управления, при которой правитель заботится о народе, а народ проявляет лояльность, является прямой адаптацией конфуцианской идеи о государстве как большой семье [Ян Гуоронг, 2015]. На практике это находит воплощение в масштабных государственных программах по борьбе с бедностью, инвестициях в инфраструктуру и поддержании общественного порядка, что укрепляет мандат власти в глазах населения. Кроме того, принцип «управления добродетелью» трансформируется в современную концепцию корпоративной социальной ответственности, когда государство поощряет бизнес к участию в социальных и благотворительных программах, как это делают компании «Alibaba» и «Tencent», что также служит укреплению общей гармонии и легитимности всей социально-политической системы.

Как отмечает Г.М. Барашков, разные страны Азии по-своему обращаются к наследию конфуцианства, особенно в вопросах формирования социальных норм [Барашков, 2017, 115]. С ним согласен Ю.В. Ирхин [Ирхин, 2015; Ирхин, 2015, 112]. Так, за пределами Китая самая многочисленная община последователей конфуцианства находится в Корее. В их варианте учение строится вокруг пяти этических установок, к которым относятся верность («чхун»), сыновняя почтительность («хе»), доверие («син»), доброта («ин») и соблюдение ритуалов («е»). Верность интерпретируется шире: она подразумевает не только служение государю, но и безоговорочную преданность компании или иному коллективу. Сыновняя почтительность возведена в ранг фундаментального принципа, требующего абсолютного уважения к предкам, регулярно почитаемым через обряд «чере». Доверие и человечность формируют морально-этический фундамент, на котором строятся межличностные отношения.

Ещё одним государством, заимствовавшим достижения конфуцианства, стала Япония. Изначально это учение было воспринято высшими слоями общества, а именно придворной аристократией, и лишь впоследствии получило распространение в народной среде. Моральные принципы были адаптированы под нужды японцев. Если в Китае общественный уклад базировался на кровном родстве внутри кланов, то японская модель выходила за рамки родственных связей, основываясь на взаимной симпатии. Фундаментом, скреплявшим членов группы, служили отношения патронажно-клиентского типа, построенные по принципу «господин-вассал» или «лидер-последователь». В этой иерархической системе у каждого члена семьи была строго отведённая роль, и выход за рамки принятых норм поведения был невозможен. В результате политическая культура феодальной Японии была более группоориентированной, ригидной и кастовой, нежели китайская. Разнилось и восприятие места человека во вселенной. Для китайского мировоззрения Вселенная представлялась гармонией противоположностей, в то время как японцы акцентировали противостояние человека и природы.

Вьетнам стал следующей страной, куда проникло учение великого мыслителя. В столице государства, где исторически насчитывалось около 180 храмов, центральное место занимал Храм Литературы («Ван Мьеу»), посвященный почитанию Конфуция. Это сооружение стало не только важным духовным центром, но и первым вьетнамским университетом. Здесь доступ к образованию определялся личными способностями и квалификацией абитуриентов, а не их сословным происхождением. Трехгодичная учебная программа была основана на глубоком

изучении классических трактатов, при этом особое внимание уделялось дословному воспроизведению заученных текстов. Экзаменационная система строго следовала конфуцианской традиции, проверяя не только знания, но и верность учению. Считается, что в данном учебном заведении выучились 2330 студентов, которые вносились в специальный список, ведшийся вьетнамским королём. После окончания учебы перед ними открылась карьера государственных служащих.

На основании проведённого анализа можно утверждать, что конфуцианство, формировалось на протяжении более двух тысяч лет, стало неотъемлемой частью менталитета каждого китайца. В стране была создана синкетическая система, где традиции взаимодополняют новации.

Заключение

Подводя итоги, резюмируем, что идеи Конфуция не утратили своей актуальности и сегодня, находя воплощение в различных культурах как в традиционной, так и в адаптированной формах. В семье «сяо» трансформировалась из совместного проживания в финансовую поддержку и поддержание постоянной связи на расстоянии. В образовании культ учености и меритократии эволюционировал в гиперконкурентную систему экзаменов «гаоцо», а традиционное уважение к учителю было дополнено развитием критического мышления. В бизнесе принципы взаимных обязательств и гармонии легли в основу деловых практик «гуаньси» и корпоративного коллективизма, ставших конкурентным преимуществом.

При этом конфуцианство не ограничилось Китаем, оказав глубокое влияние на другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона (Корею, Японию, Вьетнам). В каждом случае происходила уникальная адаптация учения к местным культурным условиям, что свидетельствует о его гибкости и универсальности ключевых этических принципов.

Библиография

1. Арташкина Т.А., Ван Ифэй. Китайская традиционная культура как духовная и идеологическая основа китайской корпоративной культуры // Общество: философия, история, культура. 2018. № 11 (55). С. 127–134. DOI: 10.24158/fik.2018.11.24. <https://doi.org/10.24158/fik.2018.11.24>
2. Арташкина Т.А., Ван Ифэй. Корпоративная культура по-китайски // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8, № 3. С. 1972–1980. DOI: 10.15372/PEMW20180302. <https://doi.org/10.15372/PEMW20180302>
3. Барашков Г.М. Влияние конфуцианства на особенности становления и развития аналоговой модели гражданского общества стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2017. №17. С. 113–120. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-113-120. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-1-113-120>
4. Грузинов И.И. Роль и место традиционной китайской идеологии в концепции «Китайской мечты» // Общество и государство в Китае. 2017. Т. 47. № 1. С. 565–574.
5. Ирхин Ю.В. Конфуцианские ценности, генезис, управление и потенциал Китая в XXI веке // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 2. С. 116–134.
6. Ирхин Ю.В. Мегатенденции развития и управления конфуцианских стран: феномен КНР // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4. С. 94–107.
7. Ирхин Ю.В. Пространственно-временной ареал конфуцианской цивилизации: где пределы проекта? // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2015. № 11 (154). С. 106–117.
8. Ишкуватова Л.М. Место категорий «Ли» и «Фа» в правовом поле КНР // Социум и власть. 2016. № 5 (61). С. 107–111.
9. Ли Бои. Международная идентичность Китая в условиях столетия масштабных перемен: изменения и стабильность // Исследования экономики Индийского океана. 2021. № 2. С. 35–37.
10. Ли Цзыхань. Этикетное поведение как реализация конфуцианских ценностей // Вестник Ленинградского

- государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. № 3. С. 92–100.
11. Линь Юйтан. Китайцы. Моя страна и мой народ. М.: Восточная литература: РАН, 2010. 336 с.
12. Ма Сюефэй. Традиционные ценности конфуцианства как фактор формирования национального самосознания молодежи // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 1 (110). С. 89–91. doi:10.24412/1991-5497-2025-1110-89-91. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2025-1110-89-91>
13. Ма Сюефэй, Романенко Н.М. Национальное самосознание китайской учащейся молодёжи в условиях инокультурной среды // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3 (106). С. 210–213. doi:10.24412/1991-5497-2024-3106-210-213. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-3106-210-213>
14. Насирова С.А. Влияние конфуцианских ценностей на формирование новых общественно-политических терминов в современном китайском языке // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2022. Т. 2. № Special Issue 20. С. 622–631. doi:10.24412/2181-1784-2022-20-622-631. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2025-1110-89-91>
15. Пэн Цзюньхуа. Анализ ценности традиционных конфуцианских ценностей в современные дни // Social Sciences. 2014. №4. С. 21–24.
16. Сорокина Ю.В. Человек и его место в конфуцианской антропологии // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. №4. С. 19–31.
17. Сунь Мэйцзы. Ценности в жизненном пространстве современного Китая // Гуманитарный вектор. 2025. Т. 20. № 1. С. 147–153. doi:10.21209/1996-7853-2025-20-1-147-153. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2025-20-1-147-153>
18. У Лицюнь. Конфуцианские ценности с точки зрения эволюции общественных и частных концепций // Фуцзяньский форум (издание по гуманитарным и социальным наукам). 2014. №12. С. 106–113.
19. Фань Чушу. Ценности конфуцианства в современной системе образования Китая // Современное педагогическое образование. 2022. № 4. С. 63–67.
20. Ян Гуоронг. Конфуцианские ценности: историческая коннотация и современное значение // Журнал Ханчжоуского педагогического университета (издание по социальным наукам). 2015. №37. С. 1–5.

Transformation of Confucian Values in the Context of Modernization of Chinese Society

Li Xiaozhou

Postgraduate Student,
Mordovian State University named after N.P. Ogarev,
430005, 68, Bol'shevistskaya str., Saransk, Russian Federation;
e-mail: 453410849@qq.com

Abstract

The article is devoted to the analysis of changes related to the adaptation of Confucian values to the modern realities of the Chinese economic miracle. The aim of the research is to conduct an analysis of the significance of Confucian traditions in the daily life of the Chinese. The subject of the research is the content of Confucian values in the context of ongoing modernization processes in China. The methodological basis consists of comparative-historical analysis (within the framework of interpreting the essence of Confucian values in the imperial, Maoist, and modern periods), as well as synthesis of literary sources (in the process of studying classical Confucian treatises, such as "Lunyu" and "Mengzi," speeches by various PRC leaders, and thematic scientific publications). The temporal framework of the research is longitudinal, allowing for the analysis of the transformation of traditional values in dynamics, starting from the late 1970s. The proposed provisions create prerequisites for further study of the role of Confucianism as a factor that does not hinder, but rather contributes to the modernization of the Chinese economy. Their significance is

related to the possibility of applying the conclusions to forecast social trends in China. The results of the research show that Confucian principles have adapted to new realities: the principle of "xiao" (filial piety), associated with the multi-generational family living under one roof, is giving way to new practices based on maintaining connections with loved ones through digital communications. The cult of scholarship, inherited from the imperial examination system ("keju"), has found its continuation in the "gaokao" category, creating an extremely competitive environment for social selection. Corporate collectivism, rooted in the principle of harmony ("he"), manifests itself in management models that encourage devotion to a common cause and team spirit.

For citation

Li Xiaozhou (2025) Transformatsiya konfutsianskikh tsennostey v usloviyakh modernizatsii kitayskogo obshchestva [Transformation of Confucian Values in the Context of Modernization of Chinese Society]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (12A), pp. 67-75. DOI: 10.34670/AR.2025.57. 98.007

Keywords

Confucian values, Confucianism, traditional culture, China, Chinese civilization, modernization, governance, social trends.

References

1. Artashkina, T. A., & Van, I. (2018). Kitaiskaia traditsionnaia kul'tura kak dukhovnaia i ideologicheskaia osnova kitaiskoi korporativnoi kul'tury [Chinese traditional culture as the spiritual and ideological basis of Chinese corporate culture]. *Obshchestvo: filosofia, istoriia, kul'tura*, 11(55), 127–134. <https://doi.org/10.24158/fik.2018.11.24>
2. Artashkina, T. A., & Van, I. (2018). Korporativnaia kul'tura po-kitaiski [Corporate culture in Chinese]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*, 8(3), 1972–1980. <https://doi.org/10.15372/PEMW20180302>
3. Barashkov, G. M. (2017). Vlianie konfutsianstva na osobennosti stanovleniiia i razvitiia analogovoi modeli grazhdanskogo obshchestva stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona [The influence of Confucianism on the features of the formation and development of the analog model of civil society in the Asia-Pacific countries]. *Izvestia Saratovskogo universiteta. Novaia seria. Seria Sotsiologii. Politologiiia*, 17, 113–120. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-1-113-120>
4. Fanchushu. (2022). Tsennostikonfutsianstva v sovremennoi sisteme obrazovaniia Kitaia [Values of Confucianism in the modern Chinese education system]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 4, 63–67.
5. Gruzinov, I. I. (2017). Rol' i mesto traditsionnoi kitaiskoi ideologii v kontseptsii "Kitaiskoi mechty" [The role and place of traditional Chinese ideology in the concept of the "Chinese Dream"]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, 47(1), 565–574.
6. Irkhin, Iu. V. (2013). Konfutsianskie tsennosti, genezis, upravlenie i potentsial Kitaia v XXI veke [Confucian values, genesis, management and potential of China in the 21st century]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniiia*, 2, 116–134.
7. Irkhin, Iu. V. (2015). Megatendentsii razvitiia i upravleniiia konfutsianskikh stran: fenomen KNR [Megatrends of development and management of Confucian countries: The phenomenon of the PRC]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniiia*, 4, 94–107.
8. Irkhin, Iu. V. (2015). Prostranstvenno-vremennoi areal konfutsianskoi tsivilizatsii: gde predely proekta? [Spatio-temporal area of Confucian civilization: Where are the limits of the project?]. *Vestnik RGGU. Seria: Politologiiia. Istoriiia. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 11(154), 106–117.
9. Ishkuvatova, L. M. (2016). Mesto kategorii "Li" i "Fa" v pravovom pole KNR [The place of the categories "Li" and "Fa" in the legal field of the PRC]. *Sotsium i vlast'*, 5(61), 107–111.
10. Li, B. (2021). Mezhdunarodnaia identichnost' Kitaia v usloviakh stoletiiia masshtabnykh peremen: izmeneniia i stabil'nost' [China's international identity in the context of a century of great change: Changes and stability]. *Issledovaniia ekonomiki Indiiskogo okeana*, 2, 35–37.
11. Li, T. (2015). Etiketnoe povedenie kak realizatsiia konfutsianskikh tsennostei [Etiquette behavior as the realization of Confucian values]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 3, 92–100.
12. Lin, I. (2010). *Kitaitcy. Moia strana i moi narod* [My country and my people]. Vostochnaia literatura: RAN.

13. Ma, S., & Romanenko, N. M. (2024). Natsional'noe samosoznanie kitaiskoi uchashcheisia molodezhi v usloviakh inokul'turnoi sredy [National self-awareness of Chinese students in a foreign cultural environment]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 3(106), 210–213. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-3106-210-213>
14. Ma, S. (2025) Traditsionnye tsennosti konfutsianstva kak faktor formirovaniia natsional'nogo samosoznaniia molodezhi [Traditional Confucian values as a factor in the formation of national self-awareness of youth]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 1(110), 89–91. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2025-1110-89-91>
15. Nasirova, S. A. (2022). Vlianie konfutsianskikh tsennostei na formirovaniie novykh obshchestvenno-politicheskikh terminov v sovremenном kitaiskom iazyke [The influence of Confucian values on the formation of new socio-political terms in modern Chinese]. *Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*, 2(Special Issue 20), 622–631. <https://doi.org/10.24412/2181-1784-2022-20-622-631>
16. Peng, Ts. (2014). Analiz tsennosti traditsionnykh konfutsianskikh tsennostei v sovremennoye dni [Analysis of the value of traditional Confucian values in modern times]. *Social Sciences*, 4, 21–24.
17. Sorokina, Iu. V. (2023). Chelovek i ego mesto v konfutsianskoi antropologii [Man and his place in Confucian anthropology]. *Zhurnal iuridicheskoi antropologii i konfliktologii*, 4, 19–31.
18. Sun, M. (2025) Tsennosti v zhiznennom prostranstve sovremennoogo Kitaia [Values in the living space of modern China]. *Gumanitarnyi vektor*, 20(1), 147–153. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2025-20-1-147-153>
19. U, L. (2014). Konfutsianskie tsennosti s tochki zreniiia evoliutsii obshchestvennykh i chastnykh kontseptsii [Confucian values from the point of view of the evolution of public and private concepts]. *Futszianskii forum (izdanie po gumanitarnym i sotsial'nym naukam)*, 12, 106–113.
20. Yang, G. (2015). Konfutsianskie tsennosti: istoricheskaiia konnotatsiia i sovremennoe znachenie [Confucian values: Historical connotation and contemporary significance]. *Zhurnal Khanchzhouskogo pedagogicheskogo universiteta (izdanie po sotsial'nym naukam)*, 37, 1–5.